

Из воспоминаний Лучкина Александра Михайловича, 687 сп 141сд, медсанбат

Я родился в 1920 году в д. Азарово Мосальского района, Калужской области. Русский, христианин. После окончания мосальской средней школы в 1939 году был призван в ряды Красной Армии и направлен в Киевское военно-медицинское училище. Во время Финской кампании большинство курсантов училища писали рапорты с просьбой направить в действующие части по борьбе с финнами.

В 1941 году меня с одним курсантом направили в 141-ю стрелковую дивизию для прохождения практики в г. Бердичев. На летнее время дивизия выезжала в лагерь в леса под Шепетовку, где нас и застало начало войны.

22 июня 1941 года в 4 часа утра бомбили шепетовский железнодорожный узел и воинские части, которые стояли в лесах под Шепетовкой, а в 12 часов дня по радио объявили о вероломном нападении на нашу страну фашистских орд. В этот день был дан приказ дивизии двигаться к западным границам и вступить в бой по уничтожению противника. На третий день начала военных действий мы прибыли под Львов, местечко Дубно.

Нашей 141-й дивизии было придано два артиллерийских гаубичных полка. В этот же день заняли оборону, а на следующий день вступили в бой. Мы с товарищем проходили службу в медсанбате дивизии. Я отвечал за эвакуацию раненых в армейские госпитали, а на обратном рейсе загружали машины боеприпасами и продовольствием для воинских частей, участвующих в боях. Более месяца дивизия удерживала первоначально занятые позиции против превосходящих сил врага, особенно в боевой технике.

141-я стрелковая дивизия входила в состав 6-й армии Юго-Западного фронта. Мы слабо были вооружены, но и в первые дни боев видели, как фашисты бегут с поля боя, когда русские солдаты переходят в штыковую атаку. Помню, как в дивизионной газете сообщалось, что командир орудия т. Стрик подбивал по 3-4 танка в день, которые от прямой наводки рассыпались, как картонный домик.

С первого и до последнего дня Великой Отечественной войны находился на передовой, в гуще людей, которые прошли суровые испытания войной. Пережил горечь отступлений и отчаянные дни окружения, риск партизанской борьбы, боль кровавых ран, глухоту, полученную от контузий, и радость Победы.

Вернусь к боевым действиям, которые вела наша дивизия под Львовом в районе местечка Дубно.

На второй месяц боевых действий дивизия не имела связи с соседями, после прорыва на флангах вынуждена была оставить первоначальные позиции и стала отходить с боями. Кровопролитные бои вели за Умань и другие населенные пункты. Гитлеровцы рвались вперед, не считаясь с огромными потерями в живой силе и технике. Основные силы нашей дивизии отходили на новые рубежи обороны. Отходили мы, как правило, ночью. С наступлением рассвета вновь занимали оборону для отражения вражеских атак. Рубежи обороны заранее не готовились. Бои с каждым днем становились все ожесточеннее. Люди почти не отдыхали. Ночью — марши, а днем с рассвета и до вечера были бои. Спать приходилось урывками, в основном в дороге и на ходу.

Пользуясь превосходством в живой силе и технике, особенно в танках, гитлеровцы имели большую по сравнению с нами маневренность на поле боя. Встретив упорное сопротивление на одном участке, они быстро отыскивали другие, более слабые места, окружали и продолжали наступление.

Отражая вражеские атаки, разрывая кольцо окружения, мы медленно отходили на восток. Бои с каждым днем приобретали все более ожесточенный характер. Противник наседал со всех сторон, отбивать атаки становилось все труднее. Снаряды и патроны приходилось экономить, на исходе были и запасы продовольствия, но нас выручало население.

Отходя в восточном направлении, командование стремилось прорвать кольцо окружения, которое с каждым днем сжималось. Таких окружений было много. Потери в живой силе и технике росли. Не меньшие потери имел и враг. Отдельные участки в нашей обороне оставались оголенными, не хватало стрелковых подразделений. В окружении не было ни тыла, ни фронта. Был только один фронт. Все были в стрелковых подразделениях, в бой и в атаку ходили и солдаты, и командиры. Силы наши таяли на глазах, но мы продолжали пробиваться на восток.

С раннего утра над нашими подразделениями появлялась немецкая «рама». Этот самолет-разведчик разбрасывал листовки. Враг требовал, чтобы мы прекратили «бессмысленное» сопротивление, а если через час не начнем сдаваться, будут беспощадно бомбить. Фашисты свое слово держали. Особенно большие бои были за Первомайск, где намечался прорыв из окружения остатков 6-й и 12-й армий. Эти бои хорошо и правдиво описаны Евгением Долматовским в поэме «Зеленая Брама».

В боях за Первомайск был ранен, медицинская помощь была оказана на поле боя, потерял много крови. Когда стало ясно, что большими соединениями невозможно вырваться из окружения, была дана команда выходить из окружения небольшими группами для соединения с Красной Армией.

Выходя из окружения, мы попали в засаду немцев, и нас бросили в Уманскую «яму» для военнопленных. После двух недель в лагерях мы решили бежать. Так мы оказались на оккупированной территории.

Не в характере русского человека без дела сидеть. В Бердичеве командир медсанбата дал нам с товарищем Толочко поручение передать паспорт комиссару батальона, который находился в лагере военнопленных. Это поручение мы выполнили.

В то же время под Шепетовкой и начали действовать партизанские отряды. Нам было дано второе поручение: установить связь с партизанами. Связь с подпольем и местными партизанским отрядом была установлена в Волочискском районе Хмельницкой области.

Однажды комиссар местного партизанского отряда ценой собственной жизни спас отряд от разгрома. А было это так. Каратели выследили наш отряд и начали преследовать, а до леса нужно пройти еще километра три. Тогда комиссар установил два ручных пулемета на скирде соломы и начал обстреливать врага, а каратели думали, что весь отряд находится здесь. Взять живым комиссара не удалось, фашисты подожгли скирду, и он сгорел, но не сдался врагам.

Летом 1943 года во время сбора урожая немцы в одно из сел на Украине пригнали около двух тысяч военнопленных на уборку и вывозку зерна в Германию. Охрана военнопленных состояла из батальона немцев, которые были отведены с фронта на отдых.

Было принято решение подпольной партийной организации и командования отряда помешать отправке урожая в Германию. Из добровольцев партизанского отряда была организована группа из 35 человек, в которую входил и я.

Пошли на выполнение задания. Ночью сняли подвижную охрану и охрану у здания школы, где были на первом этаже размещены военнопленные. Но нам не известно было, что на втором этаже был дополнительный пост из немцев, который поднял тревогу и открыл огонь по нам.

Началась паника у немцев, они не знали, какое количество партизан окружили здание школы. Они выжидали, что будет дальше. Когда вывели последнего военнопленного, мы зажгли солому на первом этаже, а того из немцев, кто пытался выскочить из школы, мы уничтожили. В живых у них остался только один человек, который вывалился из окна первого этажа и остался лежать у фундамента незамеченным. Мы потерь не имели.

Отряд стал расти, а укрываться в безлесной местности стало очень трудно и опасно. Мы установили связь и влились в партизанское соединение, которое базировалось в Шепетовских лесах и имело связь с Большой землей.

Было принято решение идти на соединение с базовым формированием, которое находилось в Шепетовских лесах. После соединения наш отряд уже насчитывал более 500 человек. Участвовал в боях по освобождению местечка Ямполь и железнодорожной станции Лепесовка, где стоял немецкий гарнизон, насчитывающий около 500 человек.

Наша операция была рассчитана на внезапность. На рассвете немцы сняли дополнительные посты, и в это время мы начали атаку. Для немцев это было полной неожиданностью, они приняли партизан за русский десант. В результате этого боя было много уничтожено немцев, но и мы, из-за несвоевременности выполнения приказа командования об отходе в лес отряда, потеряли в этом бою около 100 человек.

Участвовал во многих других операциях. Например, когда с действующего сахарного завода нужно было вывезти готовую продукцию. Был организован вывоз более 100 подвод. Немецкая охрана завода решила, что идет большое количество партизан, а нас было всего 12 человек.

Партизанское движение в районах, оккупированных врагом, с каждым месяцем принимало все больший размах.

Гитлеровцы стали угонять местных жителей, особенно молодежь, в Германию. Дважды участвовал в освобождении людей, которых должны были угнать в Германию. Нужно видеть радость освобожденных из гитлеровской неволи. А делали мы так: останавливали состав в лесу или в степи и уничтожали охрану, состоящую из немцев или полицаяв, а людей освобождали.

Приток желающих влиться в партизанские отряды усилился. В тылу врага нарастала серьезная угроза планам фашистского командования. Немцам приходилось бросать дополнительные войска на борьбу с партизанскими отрядами, танки, артиллерию и авиацию.

На территории Западной Украины действовали бандитские шайки «бендеровцев» и «бульбовцев». В марте 1944 года наш отряд соединился с частями Советской Армии и мы влились в действующие части 69-й армии 1-го Белорусского фронта. Меня направили санинструктором в стрелковую роту 909-го стрелкового полка, входившую в состав 247-й стрелковой дивизии, которая находилась на передовой.

Сражался за освобождение г. Ковель. Форсировали реку Буг, с боями изгнали фашистов с территории Польши, с ходу форсировали р. Вислу, захватили плацдарм на западном берегу Вислы в глубину до 11 километров.

Самым тяжелым оружием у нас были станковые пулеметы, а все остальное осталось на восточном берегу. Немцы и власовцы решили нас выбить с плацдарма и утопить в Висле. В связи с превосходством врага в силе и технике нам пришлось отступить и укрепиться в 3 километрах от Вислы, где мы были окружены. Тогда командир полка вызвал на себя огонь «катюш», после чего было много уничтожено немцев и власовцев, но и мы понесли большие потери.

В это время к нам подоспела помощь, были переправлены танки и артиллерия. Мы долго стояли на передовой и готовились к наступлению и боевым действиям на территории врага. Наши разведчики уходили в тыл врага за «языком», а когда не могли взять «языка», то приходилось проводить разведку боем роты или батальона.

В одном из таких боев участвовал и я. Мы захватили 5 фашистов, а нас осталось в живых 10 человек из состава роты. Во время операции нам с лейтенантом было приказано отходить последними, при отходе я перевязывал раненных солдат. Среди них был тяжело раненный лейтенант. Я его перетащил в окоп и укрыл своим бушлатом.

Когда я приполз в свою траншею и спросил, всех ли вытащили раненых и убитых, мне ответили что всех, но среди них не было лейтенанта. После этого мне дали 4-х бойцов и приказали вытащить его, а для этого надо было проползти около 500 метров по нейтральной полосе под плотным огнем немецкой артиллерии и минометов. Мы задание выполнили, и из нас никто не пострадал.

14 февраля 1945 года в 8 часов утра началась наша артподготовка, а в это время начался такой сильный снегопад, что в 3-4 метрах не было видно человека. Перед нами была поставлена задача освободить г. Радом, а дальше — освобождение узников из лагеря смерти Освенцим. Когда мы подошли к лагерю, то наши танкисты помогли нам и уничтожили охрану немцев. Наш полк перешел немецкую границу и взял город Альт. Но жителей в городе не осталось, они бежали на запад.

Дали нам час на отдых, привели себя в порядок и двинулись дальше. Пройдя с боями от Вислы до Одера, на подручных средствах с ходу форсировали р. Одер.

Наш полк преодолел речную преграду удачно, а соседний полк задержался и был обнаружен немцами, и они открыли минометно-артиллерийский огонь. Мы на «плечах» немцев ворвались в г. Лебус, расположенный на западном берегу Одера, где заняли оборону.

Фашисты по несколько раз в день переходили в контратаку, но безуспешно. Это было центральное направление, где наша 69-я армия должна была прорвать оборону Берлина.

На 16 апреля 1945 года было запланировано последнее наступление на Берлин. Это было центральное направление. Необходимо было преодолеть 17 укрепленных линий. В этом наступлении участвовало большое количество техники и впервые применены прожектора большой мощности. В бою за Берлин я был тяжело ранен и до 6 месяцев находился на излечении в госпиталях.

Уволился из рядов Советской Армии как инвалид Отечественной войны 2-й группы. За выполнение боевых заданий на фронтах Отечественной войны и в тылу врага был награжден боевыми орденами и медалями: орденами Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, медалями «За Освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и «За победу над Германией».